

А.Ю. Антоновский

Миссия философа в полицентричном мире.

Часть первая. Философия и ее смыслообразующий коммуникативный контекст

Способность философии к универсальному суждению

Свой тезис мы, как водится, начнем с постановки проблемы. Нам представляется чрезвычайно странным и требующим объяснения то обстоятельство, что в наше время, век дифференциации, специализации и профессионализации, все еще существует претендующая на научность дисциплина, способная на универсальное суждение. Под способностью к универсальному суждению мы понимаем способность философов наблюдать природу, общество, сознание (*инореференция*) и одновременно рефлексировать свою способность к наблюдению природы, общества и сознания (*самореференция*).¹ На такую наблюдательную широту в современном мире, как мне кажется, может претендовать только один наблюдатель. Но как удалось сохраниться этому «динозавру» в мире, где востребуется, финансируется, задействуется в публикациях и образовательном процессе, главным образом, высоко специализированное знание?

Метод

Для объяснения этого феномена, очевидно, требуется его так или иначе описать. Будем исходить из *коммуникативного* понимания науки и философии², т.е. рассматривать его в одной плоскости с самыми разными – конкурирующими – способами коммуникации (= наблюдения). Вопрос, состоит в *differentia specifica* именно философской коммуникации, противостоящей и отличающийся от всех остальных – внешних для философии и науки – типов коммуникации, образующих контекст и зачастую (предмет) философии. Если это так, то, следуя идеям позднего Витгенштейна, мы можем понять философию, если поймем универсальный философский контекст как некое *противопонятие* к понятию философской коммуникации. Другими словами, *миссию и смысл* существования современной философии (и науки, как ее «материнской»

---

1 Примерами служат универсальные суждения о том, что все означенные области подчиняются универсальным законам (а не локальным случайным генерализациям), что мир (не) познаваем, мир (не) детерминирован, мир имеет структурные уровни (формы движения, уровни сложности и т.д.), мир имеет зернистый субстрат (атомы, действия, коммуникации, клетки и т.д.), мир эволюционирует на основе инвариантных для всех его уровней эволюционных механизмов и т.д.

2 В качестве введения см. Луман Н., Эволюция науки // Эпистемология & философия науки=Epistemology&Philosophy of science. 2017. Т. 52. № 2. С. 215–233. Антоновский А.Ю. Понимание и взаимопонимание в научной коммуникации // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 45–58.

коммуникативной системы) мы будем объяснять через смыслообразующий (по Витгенштейну) коммуникативный контекст современной философии.

В первой части мы сформулируем «негативные условия возможности» философии как универсального наблюдателя (где миссия философа определялась бы через то, чем философская коммуникация *не является*). Во второй части мы попробуем сформулировать «позитивные условия возможности» такой философии. И попытаемся обосновать, что философ в современном обществе одновременно выступает в амплуа *ученого, художника и протестующего*.

Контекст философской коммуникации

При определении внешней коммуникативной среды, в которую погружена философия и от которой она себя – как наблюдатель – в своей коммуникации отграничивает, в первую очередь обращает на себя внимание гетерогенность, многополярность и полицентричность этого коммуникативного контекста.

Многополярность, правда, приходится отбросить как неудачный термин³. Поэтому более осмысленно говорить о полицентричной коммуникативной среде. Но что это за центры?

Со времени Николая Кузанского мы знаем, что у Вселенной вообще нет центра. Эту же мысль можно выразить по-другому: с точки зрения равноправия систем отсчета (наблюдения) центр определяется некоторым данным положением наблюдателя или системы, и в этом смысле центров существует столько же, сколько есть наблюдателей. (Сразу говоримся, что под наблюдателем мы понимаем коммуникацию, поскольку в своей способности обозначать тему и отличать ее контекст она ничем не отличается от свойств психического восприятия).

Конечно, можно поискать глобальных, всеильных наблюдателей. Может быть, именно они и образуют мировые центры наблюдения, способные создавать описания мира и принуждать к их акцептации. Именно по отношению к ним можно было бы определить положение философии, которая, в свою очередь, способна предложить альтернативное мироописание.

Полицентричность властных центров

Конечно, такими глобальными или универсальными наблюдателями, которые формируют самописание современного общества, на первой взгляд являются мировые *политические* системы коммуникаций. Эти системы часто используют семантику *государства*, как символа или ориентира политического общения. «Все для блага государства», утверждают они. И эта формула, в свою очередь, универсальна. В отношении всего, что делается и говорится, даже в отношении к нашему тезису, этот всеильный наблюдатель (политическая система) способен заставить учитывать государственный резон. Политические центры наблюдения претендуют на универсальный

---

³ Ведь если мир является сферой, а видимо так и есть, то он обладает лишь двумя полюсами, поскольку в каждой сфере есть только две точки пересечения оси вращения и поверхности.

характер своих наблюдений, поскольку предметом коллективно-обязательных решений (= наблюдения политики) может стать любая другая коммуникация (научная, хозяйственная, интимная, религиозная и т.д.). Но эта универсальность обманчива, т.к. она маскирует узко-сфокусированную *линейную* перспективу наблюдения из этого мирового центра. Эта универсальность политического наблюдения, как я покажу ниже, не сопоставима с наблюдательной универсальностью философии.

Насколько валидны универсальные притязания политических наблюдений? Способны ли они заместить собой все остальные возможности наблюдения? Очевидно, что в современном обществе любое притязание того или иного центра силы на создание стандартов общения (норм, ценностей, коллективно-обязательных решений) всегда могут быть поставлены под вопрос или оспорены другими наблюдателями без каких-то последствий для такого гипотетического деликвента. И в рамках научной коммуникации именно философская коммуникация, как мне кажется, специализируется на релятивизации всех остальных претензий на примат собственных наблюдений. *В этом, по нашему мнению, состоит одна из составляющих миссии философа в полицентричном мире.* И ни у одной другой наблюдательной инстанции не обнаруживается таких высокоразвитых стандартов скепсиса. В этом контексте смысл и миссия существования философии действительно отчасти задается ее критикой политических институтов и политических наблюдений (решений)⁴.

И все-таки целостный (смыслоопределяющий по Витгенштейну) контекст существования философии не может определяться через центры власти. Для философии власть перестала служить *главным* вызовом и мотивом, через который она себя негативно или «апофатически» понимала. Кроме того, в современном мире политические описания непрерывно «переописываются» и *другими* – конкурирующими с философией – центрами коммуникации (наукой, искусством, литературой). Именно поэтому, политическая коммуникация в современном обществе уже не может претендовать на приоритет, идентифицировать себя с коммуникацией как таковой, служить образцом и стандартом для иных стилей общения.

Дифференциация полицентричного мира как условие его жизнеспособности

Фактом остается что, состояние современного общества может определяться как предельно дифференцированное – коммуникативно и профессионально. Можно сказать, что современное общество живет относительно бесконфликтно и устойчиво воспроизводится в силу такой распределенности на локально-центрированные коммуникации. Наука не стремится к решению вопросов веры. Политика не определяет истинность научных предложений и цены в хозяйстве, а хозяйство не определяет коллективно-обязательных решений и не покупает должности. Поэтому «пробоина в

---

4 Кроме того, в современном обществе появились огромные локальные пространства, неподвластные коллективно-обязательным (= политическим) решениям. Речь идет, например, о персонально-конструируемой биографии, о жизненных стилях, о сфере удовольствий и индивидуальных потребностей, не в последнюю очередь, о сфере – в том числе профессиональных – интересов, об области интимных предпочтений, и конечно, о науке, включая сюда и философию (ведь истину нельзя принять посредством решения), и о много другом, а в современном обществе, конечно, о социальных сетях.

одном отсеке» (скажем, религиозные controversy и конфликты⁵) не приводит к утрате общей плавучести «общественного корабля». Ушли в прошлое войны за инвестицию между политикой и религией. И религия больше не вмешивается в научные наблюдения. Таково определение «полицентрического мира» в его самом простом коммуникативном понимании.

Полицентричные идеологии

Тем не менее, все вышеозначенные коммуникативные центры, очевидно, выказывают мировоззренческие притязания и пытаются навязать примат собственной наблюдательной оптики, по крайней мере, для своих адептов. Политика формирует политическую идеологию. Хозяйство переносит экономическую калькуляцию прибылей и издержек на коммуникативную стратегию всякого человеческого поведения (неоутилитаризм). Система интимных коммуникаций (любовь, дружба) создают гендерные идеологии. Наука формирует мировоззрение критицизма, скептицизма и фальсификационизма, на которых собственно и специализируются ее особая подсистема с функцией рефлексии – т.е. философия (науки). Собственно, философия всегда корректировала наблюдательный дефицит других глобальных наблюдателей. Она обличала, дополняла, подсказывала политике (Платон), проясняла смысл научных понятий (случай У. Хьюэлла⁶, и вся аналитическая философия), проясняла вопросы веры («Теодицея» Лейбница). Но в начале этого столетия на авансцену вышел новый игрок или новый наблюдатель.

Новый наблюдатель в современном полицентричном мире.

Речь идет об искусственном интеллекте, который среди прочих своих воплощений (интернета вещей, автопилотируемых механизмов и т.д.) материализовался в виде *социальных сетей*. Фактически возник квази-субъект, способный к принятию несознательных нерефлексивных решений на основе программных механизмов. Эта коммуникативная система оформилась, прежде всего, как социально-сетевая система протеста. Она взяла лучшее у так называемых новых социальных движений (60-годов), а именно – горизонтальные, «ризоматические» структуры управления. Она избавилась от недостатков организованного администрирования на основе харизматичного и формального лидерства, бюрократии, формального членства, боссизма, nepотизма и других ограничений, свойственных организациям. Благодаря своего рода искусственным нейронным сетям решила главную проблему неорганизованного управления – координацию коллективного действия – и приступила к свержению господства политических систем (Арабская весна, Российский протест, Движение «Оккупай Уолл-Стрит», Движение «Желтых жилетов» испанские «Индигнадос» и т.д.).

---

5 А если это происходит, то это свидетельствует о недостаточной коммуникативной дифференцированности, т.е. незрелости того или иного общества.

6 О такой философской корректировке понятий Хьюэллом см. Касвин И.Т.. Рождение философии науки из духа Викторианской эпохи // Эпистемология и философия науки. 2019. № 1. С. 23-33.

Фактически коммуникативная система социальных сетей стала непобедимой. Ведь ее нельзя распустить, т.к. она не основана на формальной организации членов, ее невозможно запугать, так как она основана на *страхе за другого*, на общем алармизме, и любая репрессия лишь умножает общий алармизм, подпитывая эту систему. Наконец, ее лидеров нельзя подкупить или арестовать, т.к. у нее нет лидеров, у нее нет центра принятия коллективных решений, а при этом способность к принятию коллективных решений у нее, очевидно, имеет место⁷ (Что отдаленно напоминает поведение стаи, способной одновременно корректировать свои коллективные движения).

Может ли философия, определить себя «негативно» через социально-сетевой коммуникативный контекст? Многие эмпирические исследования показывают особую роль философии (как правило, в роли публичных интеллектуалов) которые, собственно, специализируются на функции так называемых «информационных брокеров»⁸, на роли сетевых публичных интеллектуалов, которые обеспечивают сетевую коммуникацию сознанием и рефлексией. Их функция состоит в «наведения мостов» между разрозненными сетевыми сообществами и преодолении «сетевых разрывов». Они словно обеспечивают рефлексией нерелексивные сетевые системы, в чем и состоит еще одна составляющая миссии философа (и ученого) в современном сетевом обществе.

Миссия философа в смыслоопределяющем контексте системы науки.

Наш тезис состоит в том, что никто из приведенного реестра коммуникативных центров не способен на универсальные наблюдения и суждения, т.е. на такие суждения, которые не были бы обставлены теми или иными предметно-тематическими и временными ограничениями. Наконец, и наука, как материнская коммуникативная система философии, ограничена условиями, накладываемыми профессионализацией и специализацией. Стандартный научный проект (и по грантам, и по госзаданиям) должен быть завершен в течении 3-х – 5-ти лет, безразлично, успешно или нет.

Как ни странно, ученый оказывается парализованным в своих притязаниях на универсальность. Чтобы заявить некоторую нетривиальную идею, ученый должен *слишком много* знать. Ему следует прежде изучить в пределе *все* точки зрения на данный

---

7 Появление нового актора доказало и так очевидное всем. А именно то, что все эти коммуникативные центры, или коммуникативные системы основаны на программных алгоритмах, которые организуют коммуникативные вклады участников этих систем. Здесь я солидаризировался бы со В.С.Степиным, который понимал традицию и культуру как особого типа программы. Такие эффекты прежде описывалось в метафорах «невидимой руки рынка», «органической солидарности» и т.д. И вырваться из этой матрицы было невозможно и в досетевую эпоху. Всякий участник политической системы вносил коммуникативный вклад в систему лишь в том случае, если реализовывал ту или иную программу: «подчиняйся высшей власти, подчиняй низшую, не обращай внимание на остальное». Предприниматель в свою очередь реализовал программу «Покупай, когда цены падают, продавай, когда цену растут». И исследователь не мог избежать алгоритма «формулируй теорию, проверяй ее методологически, а метод формулируй на основе теории».

8 Пример эмпирического исследования роли публичного интеллектуала в современном сетевом протесте см.: González-Bailón S., Wang N. (2016) Networked discontent: The anatomy of protest campaigns in social media, Social Networks, Iss. 44 (2016), pp. 95–104

предмет, и лишь так может доказать профессиональность и добиться научного успеха в обосновании новизны своего тезиса.

Однако научный успех может быть измерен только в *ограниченных временных интервалах*. Такие требования накладывает организация современной науки, в которой ученый, словами Макса Вебера, выступает «наемным работником государственно-капиталистической корпорации»⁹ и заключает эффективный (т.е. ограниченный временем) контракт. Последним универсальным научным проектом, по моим сведениям, был социологический проект Никласа Лумана, который в течение всей жизни создавал универсальную теорию общества, теорию социальных систем, теорию социальной эволюции и ряд других универсальных концептов¹⁰.

Итак, означенные ограничения на научные высказывания не позволяют ученому сделать универсальное суждение – универсальное по объектам, и универсальное по времени. Кажется, что ученый не способен представить мир в его сложности, целостности и единстве, поскольку его наблюдения профессионально дифференцированы. Ровно 100 лет назад это явным образом сформулировал Макс Вебер в своем памфлете «Наука как призвание». Математик и астроном видит мир, состоящий из треугольников или правильных многогранников¹¹, а в новое время ищет «подлинные пропорции»¹²). Филолог видит мир состоящих из семантических артефактов, где слова предстают либо бирками от вещей (Витгенштейн), либо семантические артефакты, за которыми не стоит ничего (Ф. де Соссюр) кроме смыслов¹³). Но именно поэтому языковые формы оказываются самодостаточными и образуют особую семантическую реальность, которая потом понимается как субстанция общества (Луман Н.). Социальный теоретик видит мир и природу как схватку стихий (властей, классов, элит) и т.д. и упорядочивающая сила научных законов уподобляет законам права или обычая¹⁴. А физикалисты (от бихевиариста Дж. Хоманса до неопозитивиста Дж. А. Ландберга¹⁵), наоборот, видят общество, выказывающее номотетические зависимости, на манер физических законов. Дисциплинарно ограниченные исследователи, переключая фокус собственных наблюдений на другой предмет, либо продолжают исходить из своих дисциплинарных стандартов, либо просто переходят на наблюдательные позиции других дисциплин. Так, биолог видит общество в микроскоп, а астроном видит общество в телескоп.

Но не только это ограничивает широту наблюдения ученого и его возможности в формулировании универсального суждения. Современный ученый, прежде всего, одержим критикой, живет в среде критики и существует благодаря критике. Именно критика делает

---

9 Вебер М. Избр. произведения. М.: Прогресс. 1990; Антоновский А.Ю. О науке Макса Вебера // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 4. С. 174-188. Касавин И.Т. Дилемма ученого: после Макса Вебера // Вопросы философии. 2019. № 6.

10 Луман Н. Общество общества. М.: Логос. 2010.

11 Пример Иоганна Кеплера здесь особенно характерен.

12 См. примечательную эволюцию так называемого закона Тициуса-Боде.

13 Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М. 1999.

14 Именно в этом смысле можно понимать отказ от каузального понимания мира Дэвидом Юмом.

15 Lundberg G. A. Can science save us? Longmans, Green and Co., 1947

возможным так называемую *scientific self-policy*.¹⁶ А значит, никакое общество никогда не станет для него фактически «хорошим обществом». Ведь любое состояние может быть подкорректировано, улучшено или отклонено. В этом смысле, ученый не может претендовать на то, чтобы свою нормативность (прямой демократизм и безудержный критицизм) навязывать остальным сообществам, поскольку в этом случае рухнут последние табу, цементирующие общество.

Каков же выход? Означает ли это, что никакой миссии у ученых не может быть дефинитивно? И настоящему ученому суждено замкнуться в своей лаборатории, заниматься своей специализированной сферой и даже свои политические взгляды и ценностные предпочтения, как этого требует веберовский ригоризм, он должен оставить при себе и не демонстрировать окружающим?

Выход мне кажется в том, чтобы в самой этой «губительной» специализации и дифференциации найти средство, которое укажет ученому выход из собственной башни из слоновой кости и позволит ему оглянуться по сторонам. Как говорил герой «Кавказской пленницы», «тот кто нам мешает, тот нам поможет». Ведь именно специализация привела к тому, что внутри замкнутой системы научных коммуникаций отдифференцировалась особая подсистема с функцией рефлексии. По отношению к науке она определяет себя как «теория познания» или эпистемология, а по отношению к другим коммуникативным центрам она структурно дифференцируется в соответствии с дифференциацией общества (профессий) и природы на социальную философию, философию образования, онтологию (всю ту же натурфилософию) и т.д. При этом способность к универсальному суждению сама философия пока не утрачивает.

В этом смысле, то что философия до сих пор сохраняется в структуре научных институтов далеко не случайность. Недоброжелатели и коллеги-ученые (конкуренты за финансирование) могут сказать, что это не заслуга философов, а недоработка чиновников, но то было бы слишком простым объяснением. Ведь философов есть свое алиби. Только они, сами являясь продуктом дифференциации, специализации и профессионализации, сохранили способность к универсальному суждению. При этом философ, конечно, остается дилетантом в области научных теорий, но именно поэтому он и способен сказать больше, чем ученый. Исключительную роль дилетантов в науке невозможно переоценить (об этом, в свою очередь утверждал Вебер в своей речи).

Однако всякое универсальное суждение возможно не столько в модусе позитивного утверждения, а, скорее, в модусе отрицания, некоем апофатическом стиле.¹⁷

---

16 Именно эта *self-policy* и обеспечивает самодостаточность научного сообщества как организации и коммуникативной системы. Именно она регулирует инклюзию и эксклюзию в научной среде, даже если последнее решения об этом и принимают ВАКи и другие гос.органы. О том, почему научная *self-policy* столь эффективна в сравнении с «полицией» в других профессиях см.: Hull David L., *Science as a Process* (Chicago: University of Chicago Press, 1988),

17 Это напоминает идею Карла Маркса, который претендовал на универсальную теорию общества, однако не мог предложить его позитивного описания и вынужден был использовать негативные характеристики некоего «абсолютного класса». Этот класс-пролетариат лишен всего: собственности, прав и свобод, и в этой связи занимает не какое-то временное положение в историческом развитии, но позицию абсолютную, поскольку с ним связан конец предыстории и начало новой подлинной. Философия и философское сообщество в этом смысле очень похоже на пролетариат.

Безусловно, у философов меньше фактических знаний, но это означает и то, что запреты на некоторые исследовательские ходы для философов не абсолютны.¹⁸ Философ менее критичен, чем ученый, но он и более критичен, чем ученый. Он формулирует гиперкритические и гипер-скептические стандарты наблюдения, которые и не снились ученому. Там, где ученый фиксирует всего лишь данные собственного восприятия, там философ постулирует гипотетические «мозги в бочки», явно избыточные в контексте научного гипостазирования.

И этом состоит еще одна составляющая миссия философа – дистанцироваться от науки как от *внутреннего внешнего* коммуникативного мира и смыслообразующего контекста философии¹⁹.

Промежуточные выводы

Итак, универсальное суждение о природе, обществе и сознании, притязание на создание «теории всего» представляется, скорее, невероятным по целому ряду обстоятельств.

Во-первых, в условиях временного давления и отчетных требований, предъявляемых к профессии ученого. На это у государственно-капиталистической организации, которой является наука, нет достаточно денег и времени. Поэтому практически нет журналов, посвященных таким экзотическим по нашим временам универсалистским тематикам. Во-вторых, не существует разработанного языка, в терминах которого можно сделать такие всеобщие наблюдения. И наконец, не должно было бы существовать – в условиях высоко дифференцированного общества – также и сообщества, способного на такие высказывания. Ведь всякий наблюдатель ангажирован своей «центральной» системной точкой зрения, своим собственным медиа (власти, денег,

---

18 Прежде всего, философ видит, что истина – это не только символ обоснованного знания, это еще и коммуникативный код науки, обеспечивающий инклюзию и эксклюзию в научное сообщество. И в этом смысле, истина – коммуникативна, а не объективна. Для ученого это обстоятельство, и эта нормативно-коммуникативная роль истины остается слепым пятном. Так, ученый может отклонять идею флогистона, но философ способен увидеть «сермяжную правду» и в этом – ложном для ученого – концепте. Подробнее, см. Антоновский А.Ю. Хьюэлл против Конта: возможна ли коммуникация между априоризмом и позитивизмом? // Эпистемология & философия науки=Epistemology & Philosophy of science. — 2017. — Т. 54, № 4. — С. 202–208.

19 Если философию мы будем понимать, как наблюдателя, способного к универсальному суждению, то решается известный парадокс Мертона-Поппера. Если ученый занимает позицию фальсификационизма (согласно которому ни одна теория не считается истинной, а является лишь приближающейся к истине), то и к фундаментальным ценностям общества должны предъявляться такие же требования исключительно временной валидности тех или иных основ консенсуса и их априорной недостоверности. В этом смысле фальсификационизм фальсифицирует все, а значит, подрывает общественные устои. Однако философ, по крайней мере, тот, кто придерживается системно-коммуникативного понимания философии, все-таки сохраняет означенный постулат коммуникативного характера общества (а значит, научного сообщества). коммуникаций, а значит, основано на коммуникативных стандартах, и в этом смысле требует согласия хотя бы в вопросах коммуникации. О разрешении парадокса Мертона-Поппера см.: Бараш Р.Э. Радикальная наука. Способны ли ученые на общественный протест // Эпистемология & философия науки=Epistemology & Philosophy of science. — 2018. — Т. 56, № 2. — С. 18–33

веры, истины), и какие-то глобальные внешне-мировые референты (прежде всего, человек и природа как большие, сложные и единые комплексы) для него гораздо менее значимы, чем успех в своей отдифференцировавшейся коммуникативной системе.

И все-таки профессиональное сообщество с такими универсальными притязаниями – фактически и эмпирически – существует и даже получает, по некоторым меркам, неплохую зарплату.

Часть вторая. Как возможно универсальное суждение?

Выше мы попытались определить миссию философии через внешний для нее коммуникативный контекст. Но возможно ли также *и позитивное* определение философии исключительно как философии? Ведь со времени Куайна мы знаем, что любое аналитическое определение всегда обременено эффектами синонимии, тавтологии и бессодержательности.

Парадокс Гемпеля. О чем говорит квантифицированное научное суждение?

Попробуем показать, что не всякая тавтология является бессодержательной. Для иллюстрации возьмем пример или парадокс, над которым размышлял Карл Гемпель²⁰. Его идея состояла в том, что во всяком научном (а значит, квантифицированном) суждении заложены некие возможности реферирования не только множества предметов данного научного интереса, но и всего остального мира в целом. Так, в суждении «Все вороны черные» по видимости наблюдается некоторое множество птиц. Но ведь это суждение эквивалентно суждению «Если не черный, значит не ворон». А это значит, что восприятие белых перчаток будет одновременно подтверждать оба эти – логически-эквивалентные – суждения.

Источник парадокса виделся Гемпелю в том, что нас обманывает интуиция. Суждение о воронах, с его точки зрения, не должно ограничиваться универсумом птиц, как подсказывает интуиция, но представляет собой суждение обо всем мире в целом, точнее, о том, что мир «расколот» на *черных* воронов и весь остальной *светлый* мир.

Это очень глубокая мысль. Если мы что-то доказываем или утверждаем, мы всегда утверждаем не только о предмете, но и в некотором смысле обо всем остальном мире. В этом и состоит роль квантора всеобщности. В практическом плане это означает, что я могу доказывать свой тезис о том, что «все вороны черные», не будучи орнитологом и не выходя из дома, а просто перебирая нечерные предметы в поисках белого экземпляра ворона.

Можем ли мы применить это понимание к философии? Определяя всякую философию исключительно как философию, мы – как философы – вынуждено реферируем весь остальной нефилософский мир. Всякая философия (как коммуникация, действие, деятельность, дисциплина) есть философия и в этом смысле равна самой себе,

---

20 Hempel C. Studies in the Logic of Confirmation // Mind, 1945. № 54. P. 1-26.

замыкается в самой себе, и значит, отличает себя от всего остального типа коммуникации и внешнего мира. Казалось, бы это типичная тавтология, и в этом смысле она является бессодержательным утверждением. И если бы, скажем, диссертант выдвинул его в качестве тезиса, выносимого на защиту, то философского успеха он, очевидно, бы не достиг. Ныне в ходу противоположные, редукционистские понимания философии. Например, философия (и теоретически, и перформативно) часто определяется как история философии (т.е. как история, а не философия); или философия понимается как аналитическое прояснение смыслов слов (в конечном счете, как лингвистика); или философия рассматривается как история мысли (Фейерабенд).

Но если мы соглашаемся с гемпелевским тезисом, то утверждение о том, что философия есть только философия, и образуют (в самом общем смысле) то искомое *универсальное суждение обо всем мире*, на которое способно только философия.²¹

Развернем эту простую тавтологию, из которой, на мой взгляд, вытекает целый комплекс содержательных суждений.

- Философия есть только философская коммуникация, и значит, все *медиа успеха* чуждых для нее типов и форм коммуникации не должны служить для нее коммуникативными ориентирами (аттракторами). Философия является лишь философией, а значит, она противоположна экономической активности, калькулирующей прибыль и издержки.

- Философ не работает и ради политического успеха, не стремится за властью и славой, которую можно конвертировать в электоральные голоса.

- Философское суждение не является морализаторством, ведь всякая мораль предполагает особые дистинкции, а философское суждение ищет за дистинкциями некоторого единства (в том числе, единства хорошего и дурного как слепого пятна любого морализаторства, единства истины и ложности как слепого пятна научного наблюдения).

- Философия не подчиняется требованиям интимности (дружбы и любви), а также дистинкциям веры в религиозной коммуникации.

Она ограничена самой собой, но именно благодаря этому, она не ограничена в своих наблюдениях. Ведь ни одна из перечисленных дистинкций (власти, любви, веры, даже истины), не ограничивает ее наблюдений, не принуждает следовать за какой-то одной стороной соответствующей дистинкции (истины, веры, власти и т.д.) и отказываться от противоположной стороны (ложности, неверия, оппозиции), поскольку такое следование системной программе не обещает *философского успеха* в обосновании универсального философского суждения.

Позитивные черты философского наблюдения

1. Итак, философия – есть наблюдатель в высшей степени независимый, и в то же время, выступает *социальным релятивистом*. Она утверждает, что для нее не существует ни авторитетов, ни ценностей. В этом смысле, философия, выступает

---

²¹ Конечно, такие квантифицированные (= универсальные) суждения формулируют ученые, но именно философия на них специализируется (парадокс), когда выносит свои универсальные суждения.

протестом против реальности, прежде всего, против реальности наличных (политических и иных социальных) институтов. Это потенциальное несогласие с сущим роднит ее, как с коммуникативной системой *искусства*, так и с коммуникативной системой сетевого *протеста*. Но в отличие от протеста философ, как публичный интеллектуал или блоггер, поставляет в распоряжение социальной сети *отрефлексированную* информацию, которая потом процессируется в искусственных нейронных сетях интернет-сообществ, подготавливая нерелексивное, но скоординированное коллективное действие.

2. Философия остается наукой, поскольку использует и радикализирует стандарты предметной и содержательной критики, но в отличие от науки философия способна релятивировать и истину; способна увидеть *и за истиной* ее характер *коммуникативного медиума*, а не синонима (и избыточного индекса) *обоснованного знания*, каковым истина представляется ученому.
3. Наконец, обнаруживаются и позитивные отличия философии от искусства. Искусство, как и философия, отвергает наличные формы и институты, например, мир *естественных* движений и звуков; искусство ищет новые формы этого мира (например, танцевальные движения или музыку). Но однажды материализовав эти новые формы, тотчас полагает их устаревшими, а их воспроизводство более не считает искусством (В. Беньямин²²). Философия, в отличие искусства, продолжает считать философией свои прошлые тексты и не считает их устаревшими. Ведь в противном случае она отказалась бы от своего прошлого и свою утратила наблюдательную универсальность.

---

22 Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М. 1996.